

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
выходить въ г. Томскѣ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: в Томске: в конторе редакций (ул. Дворянской и Ямского пер., д. «Смбирское Т—е Печатило Дале») и в книжном магазине П. И. Макушина; в Петербурге: в конторе объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Большая Морская ул., д. № 11, Торгового Дома Бруно Валентина, Экстернинский канал, № 18—27; в Москве: в центральной конторе объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Мясницкая улица, дом Сытова; в Варшаве: в конторе объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Маршалковская, 180; в Берлине: в книжном магазине В. К. Сохарева.

Разорочка годовой платы не допускается.

Разорочка годовой платы не допускается.

Подписная цена с доставкой и пересылкой:

12 месяцев въ Томскѣ и другихъ городахъ							6 р. — к.	за границу	10 р. — к.
9	»	»	»	»	»	»	4 р. 75 к.	»	8 р. — к.
6	»	»	»	»	»	»	3 р. 50 к.	»	6 р. — к.
3	»	»	»	»	»	»	1 р. 80 к.	»	3 р. 50 к.
1	»	»	»	»	»	»	— р. 60 к.	»	1 р. 20 к.

Подписка считается с 1-го числа каждого месяца.

За перемену адреса иногородняго на иногородній взимается 35 коп.

Такса за объявления: за строку петита впереди текста 20 к., позади 10 к.

Дли многоградниот за страну патита впереди текста 30 н., позади 16 н.

Объявленія прислуги и рабочихъ 20 коп. за три строки.

За прилагаема къ газетъ обявления въ Томскъ—5 руб., иногородниѣ 7 р. за тысячу экземпляровъ въ сомъ не болѣе одного лота.

Контора открита ежедневно съ 8-ми часовъ утра до 6-ти часовъ сѣчара, кромѣ праздниковъ. Телефонъ № 470.

Редакция для личных объяснений съ редакторомъ открыта ежедневно отъ 5 до 6 ч. веч.

Присылаемые въ редакцію статьи и сообщения должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи, въ случаѣ надобности подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, доставленные безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца и затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ не возвращаются.

Цена № въ
гор. Томскѣ 4 коп.

Цѣна № въ 5 коп.

чен, вносил противоречия. Не так обстоит дело с натуральными и гармоничными, как Тургенев, как Чехов. Письма естественно являются дополнением к их творчеству, дополняют их художнический облик.

Особенный, усиленный интерес ко всем вновь появившимся письмам Чехова понятен. Он обусловлен не только тем, что это—любимый, интимно-любимый нами писатель, а и тем, как рано, преждевременно, ушел он от нас, как мало успела раскрыться во творчестве его богатая индивидуальность, его своеобразная, многострунная душа...

Действительно ли Чехов не успел раскрыть себя во творчестве? Или он и не мог раскрыть себя больше, глубже, и уловить его была непреодолимая скрытность и как бы стесненная замкнутость, из которой мы привыкли из его произведений? Письма дают в этом отношении весьма любопытные данные. Они рисуют Чехова очень полно и разнообразно, прибавляют много важного, интересного, иногда трогательных штрихов, для более ясного и яркого представления о нем. Но они чрезвычайно мало раскрывают перед нами Чехова вглубь. Эти письма еще раз подчеркивают, как мы сдержанными, и, в сущности, всегда одиночными был Чехов, как претил ему всякая открытость и малость. У него многообразие и отношений с людьми, чувствуется большой искренний интерес к личности каждого, пожалуй, он не мог бы жить без широкого общения с людьми—чужим и объясняется тот факт, что вполне хорошо он чувствовал себя только во таких центрах, как Москва и Петербург. Но люди нужны были ему лишь, как среда, они никого не подпускали к себе близко и как будто даже ни к кому не нуждались... Во его письмах—поразительное отсутствие интимности; из них нить ни одной ноты, которая вырвалась бы нечаянно и раскрыла бы Чехова больше, чем он того хотел.

Во связи с этой замкнутостью и самостоятельностью находятся главные черты индивидуальности Чехова в его художническом credo.

Последнее довольно открыто вы-

ражено во письмах к Плещееву (стр. 159). «Я боюсь тех, кто между строки ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепенец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником—и только, и жалко, что Бог не дал мне сил, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилия во всем издалека... Форму и драматизм считаю предвзвешенным. Мое ставлю—свобода—это человеческое тело, здоровье, ум, талант, влюбленность, любовь и абсолютная свобода,—свобода для сил и для, в чем бы послышалось для ни выражаться».

Полная независимость Чехова, широта взгляда и пренебрежение ко всем условностям жизни ярко выразились во письмах к Щеглову, по поводу одного литературного проекта. «Как у нас в Петербург любят духоту!—восклицает он.—Неужели как-то всем не душно от таких слов, как солидарность, единение молодых писателей, общность интересов и пр.? Солидарность и пр. штука я понимаю на бирже, из поллитки, из двала религиозных (секта) и т. п., солидарность же молодых литераторов невозможна и ненужна. Думать и чувствовать одинаково мы не можем, цѣли у нас различные, или их нѣтъ вовсе, знаем мы друг друга мало, или вовсе не знаем, и, стало быть, нѣтъ ничего такого, к чему могла бы прочно привязаться солидарность... А нужна она? Нѣтъ. Чтобы помочь своему коллеге, уважать его личность и труд, чтобы не солгать на него и не заискивать, чтобы не лгать ему и не лицензировать перед ним,—для всего этого нужно быть не столько молодым литератором, сколько, вообще, человеком... Будет обыкновенными людьми, будем относиться одинаково ко всем, не понадеявшись тогда и искусственно-вызванной солидарности».

И в отрывках отношений Чехова он высказывает во письмах, всегда проглядываясь большой, необыкновенно простой и тонкой ум. Как писатель, Чехов отягчен рывкой гармоничностью: понимает соответствие

ему таланта и ума. Во этом отношении Чехова можно сравнить только с Тургеневым.

Может быть, именно этой гармоничности Чехов обязан тем, что является, как и Тургенев, одним из немногих продолжателей светлого зоркого начала, заложенного в нашу литературу Пушкиным. Ни миссия провозглашения, ни анализ действительности и психологическая психология не обобщились. Он остался действительным свободным художником, чутким к подлинному голосу жизни.

Острый, гибкий ум Чехова особенно блещет в его кратких, но мистички замкнутых о литературе и писателях. «Как картину писать только один художник и рѣчь говорить только один оратор», так и журнал редактируется только одним человеком... редактор должен быть один, только один».

пишет он Дняеву, отыкая отказом на предложение принять участие в редактировании «Мира искусства». «Во мавеньких рассказов лучше не досказывать, чем переказывать... Во провозглашения Короленки «упросто отсутствием женщины»... У Горького «всѣ действительные лица говорить одинаково, и способ мыслить у них одинаков». Всѣ говорят не просто, а нарочно; у всѣх какая то завышенная мысль, как будто что-то знают; на самом же деле они ничего не знают, а это у них такой fashion de parler—говорить и договориваться... «Напрасно Горький с такими серьезными лицами творит (не пишет, а именно творит), надо бы полегче, невозможно бы свисока... На рѣку съ осмелевшим гениальностью Толстого (по поводу «Крейцеровой сонаты»), Чехов удивляется «свѣтлости, с которой Толстой трактует о том, чего он не знает и чего из упрямства не хочет понять. Так, его суждения о сифилисе, о женителѣхъ домах, об отвращении женщин къ совокуплению и проч., не только могут быт оспариваемы, но и право изображать человека, не подвергнувшись из продолжения своей долгой жизни прочесть два—три книжки, написанная специалистом... Подлинный выписок из писем можно бы привести много.

Во всем проявлении Чехова слышится не только ум, но и какая-то особенная приращенная культурности души. Это был европеец с голою до ног, не смотря на свою мужицкую кровь. Этим свойством, во всей вѣрности, объясняется бережное, любовное отношение Чехова к своему таланту, к литературному призванию, которое у нем все укрѣдилось по мѣрѣ развития. Во юности, на первых порах никто не берет в Чехов художника, не учил его беречь себя, о чем он впоследствии из знаменательно, пожалуй, наиболее экспансивным, письмам к Григорючу, в ответ на сочувственную поддержку старого литератора.

«Всѣ мои близкіе всегда относились снисходительно ко моему авторству и не переставали дружески συμβαλλειν мнѣ не мнѣть настоящее дело на бумагама. У меня десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или выдал во мнѣ художника... Далеко Чехов кажется в том, что до сих пор отомаски с своей работ «крайне легкомысленно, небрежно, зря». Сочувственное письмо Григорючу глубоко поразило и возмело Чехова, подбавляло как губернаторский приказ в вѣхъ изъ гора в 24 часа... Во познанных писателях мы видим, как в Чехов все растет безмѣрно требовательный къ себѣ художник. Какой контраст с большинством современных писателей, которые, если и работают, то—по славы, а потом начинают относиться к своему творчеству спустя рукава! Во письмах Чехова часто проскальзывают коренный убывающим замкнутым о необходимости постоянного упорного труда: о том, что нужно ложиться «жизнью часом», всегда что—ни будь читать, узнавать новое, идти вперед».

Чехова любят изображать хмурым pessimismom, отожествляя его с его героями, и не замечают обыкновенно главного—его осязательного настроения: большой, устойчивой жизнерадостности. Условно времени, конечно, нависла на него своя печаль, дана тонь и материал его

творчеству, но сам он не был ни пессимистом, ни отрицателем жизни. Не смотря на роковую болѣзнь, это был человек здоровой крови, сложенный к здоровому восприятию жизни. Не даром он с такой брезгливостью относился ко всякой психопатии. Спокойная добрая любовь Чехова к жизни сквозит всегда: в его добродушном юморе, и в шутливых общѣнях, и в серьезных разсуждениях о драгоценности жизни, которая нам «дается только раз»... (см. письмо к Щеглову из стр. 230).

Во письмах Чехова раскрывается много черт, характеризующих его, как писателя. По любви и уважению к литературе, по пониманию ее, это был истинный литератор, один из тех знатоков и ценителей литературы, которые в наши дни очень рѣдки. Его интересовала судьба произведений, начиная с его возникновения, кончая шрифтом, которым оно должно быть напечатано. Молодые писатели, обращавшие к нему за советом, получали в ответ очень ценную критику, подробный разбор своих произведений. Чехов хвалил во всѣм. «Заглавие рассказа неудачно. Из нем нѣтъ простоты... пишите отнюдь, «Попадается фраза, тяжелая, как булыжник»,—завячивает он другому. «Знаки пепельни, служившие нотами при чтении, разставлены у вас, как пугачи на мундир гоголевского горючачего. Изобилие многоточий и отсутствие точек»...

На вопрос одного молодого писателя, следует ли читать рассказы до его напечатания, Чехов, съ прищипкой ему неподражаемым остроумием, отвечает: «во моему мнѣнию, не следует давать никому читать ни до, ни послѣ. Тот, кому нужно, сам прочтет и не тогда, когда нам хочется, а когда ему самому хочется».

Во одном из писем к Битюкову есть указание на характер творческого процесса у Чехова, хотя он, вообще, очень скуп на всѣх откровения. Оно написано в ответ на приглашение написать «ин-

тернациональный рассказ из истинной жизни». «Такой рассказ я могу написать только в Россіи. по воспоминаниям. Я умѣю писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мнѣ нужно, чтобы память моя процѣдила сюжет и чтобы въ ней, как на фильму, осталось только то, что важно или типично»...

«Письма», вообще, должны дать толчок к более тщательному изучению Чехова. Это у нас любимый, но далеко недостаточно понимаемый и оцененный писатель. Мнѣ кажется, что именно теперь—подходящее время для того, чтобы лучше понять и по новому полюбить Чехова. Душа литературы устала от анализа «беззасты», от извощивающих ее психологических настроений, чрезвычайной чужбности и чужеродности. Еще недавно гиганты—патолог Достоевский взлетел от нас скрѣплого, ясного Тургенева, чуть не Пушкина, большой, путанный Андреев отодвинул въ тѣнь других молодых писателей. Во последнее время замечается совсѣм не то. Чувствуется потребность именно въ «ясности», въ простотѣ, въ здоровѣ и художественной законченности—въ зрѣлости. Все это, съ избытком, есть у Чехова.

Знакомство с «письмами» могло бы служить прекрасным началом въ изучении Чехова. Но, къ сожалѣнію, книга издана крайне першало и небрежно—совсѣм не соответствует самому Чехову, съ его тонкими эстетическими вкусами художника. «Комментарии», гдѣнные никому не вѣдомым г. Брендером, пожелителю ничего не дают—скорѣе путают, чем разъясняют. По большей части они случайны, лишены, не литературны, а иногда и нелпы «редактированные» же состоятъ въвольнѣх и невольнѣх пропусках и въ исключеніях изъ сборника уже известных писемъ, замѣчательных и интересных. Во книгѣ много опечатокъ, даже оглавление составлено неправильно.

Е. Колотовская.

Письма Чехова.

(Чеховская библиотека. Собрание писем под редакцией и с комментариями Владимира Брендер Т. I. М. 1910 г.)

Частные письма писателя, появляющиеся из печати обыкновенно послѣ смерти, представляют собой ценный библиографический материал. Иногда, впрочем, при изучении индивидуальностей слишком сложны, капризны и болзанными, такъ, нап., какъ Гоголь, они временно какъ-быто только затрудняютъ задачу изу-

*) См. Письма А. П. Чехова, собр. Б. Н. Бочаровича. М. 1909 г. стр. 45.